



Шесть мѣсяцевъ въ Курляндіи.

IV ¹⁾.

Нападеніе латышей на пасторатъ. — Перестрѣлка. — Изъ первоначальной исторіи латышей. — Ихъ религія. — Отношеніе къ нѣмецкимъ пасторамъ. — Курляндское дворянство. — Освобожденіе курляндскихъ крестьянъ. — Раздутый бунтъ 1841 года. — Подавленіе его. — Пасторы. — Демонстрація въ киркахъ. — Закрытіе ихъ. — Католическіе приходы. — Ревизія сенатора Манассеина. — Аграрный вопросъ. — Отношеніе латышей къ русскимъ.

Между тѣмъ толпы собирались. 26 іюля испр., касса и архивъ Грингофскаго волостного правленія, а равно и еще въ другихъ волостяхъ были сожжены дѣла и зеркала. Согласно извѣстіямъ, тогда же крестьянскіе беспорядки охватили Баусскій и Туккумскій уѣзды. При чемъ въ одномъ мѣстѣ, по слухамъ, собралась толпа въ нѣсколько тысячъ человекъ и произвела до 60 выстрѣловъ въ казаковъ, но была ими разсѣена.

По словамъ учителей, которымъ можно было вѣрить, испр., старымъ экономомъ, послѣднее время шайки перестали собираться въ большемъ числѣ. Но рядомъ съ этимъ пошелъ со всѣхъ сторонъ упорный слухъ, что на 15 августа готовится повсемѣстная какая-то необычная демонстрація. Но и 15-е прошло благополучно. Вообще разныхъ тревожныхъ слуховъ много ходило. Начинало брать сомнѣніе, да собирались ли, по крайней мѣрѣ въ дальней мѣстности, такія громадныя шайки

¹⁾ См. „Русскую Старину“ май 1912 г.

(до 5 т.), какъ о томъ официально доносилось начальству. Чтобы это провѣрить, мы поѣхали въ пасторатъ (усадебна пастора) въ 8 вер. отъ им. Гофцумберга и Кирхи. Такое отдѣленіе пастора отъ Кирхи, между прочимъ, насъ не мало удивило. „25 іюля на дворѣ пастората (такъ доносилось губернатору) явилась громадная толпа около 5 тыс. человѣкъ“. Видя еще издали приближеніе ея, пасторъ съ женою незамѣтно ускользнули въ лѣсъ, а оттуда пѣшкомъ пробрались на ближайшую (15 вер.) жел. станцію и благополучно уѣхали въ Митаву. Толпу бѣглецовъ видѣли издали. У страха глаза велики.

Латыши выломали окно пасторскаго кабинета, влѣзли, собрали метрическія и другія книги прихода и сожгли. Но изъ вещей въ домѣ ничего не тронули. Стоявшіе тогда въ Гофцумбергѣ казаки, узнавъ о появленіи толпы, поспѣшили на выручку, но „вслѣдствіе малочисленности“ (17 челов.) напасть на латышей не рѣшились. Повстанцы по нимъ открыли якобы огонь; казаки „задегли“ и „завязали“ перестрѣлку; истратили по 5 патроновъ, т. е. 85 и ушли себѣ восвояси. Казачій офицеръ говорилъ, что толпа была въ 5 т., что онъ „ясно видѣлъ“, какъ (только) одна пуля „попала въ цѣль“ и „какъ убитаго потащили“. Мы по этому поводу разспрашивали пасторскаго вагара. Онъ 20 лѣтъ прослужилъ и преданъ своему хозяину вполне. Всѣ о немъ дали самые лестные отзывы. И вотъ этотъ почтенный вагаръ, очевидецъ, говорилъ, что вся толпа до послѣдняго человѣка стояла во дворѣ, что численность ея не превышала 400 человѣкъ (объ этомъ свидѣтельствовалъ и самый размѣръ двора, большого числа людей онъ вмѣстить не можетъ), что ни одна казачья пуля въ цѣль не попала. Мы видѣли вытопанное мѣсто въ несжатомъ еще хлѣбѣ, откуда стрѣляли казаки. Отстояло оно всего лишь на 300 шаговъ отъ двора. Да, плоховато владѣла эта команда казаковъ винтовками. Но зато въ совершенствѣ... нагайками. Сколькихъ батраковъ она перебила... Мы видѣли одну жертву, много спустя послѣ экзекуціи, въ весьма плачевномъ состояніи.

Въ Гофцумбергскомъ пасторатѣ, какъ и въ другихъ, были сожжены метрическія книги. Равнымъ образомъ при разгромахъ волостныхъ правленій революціонеры особенно тщательно истребляли тѣ документы, на основаніи которыхъ составляются призывные списки. Цѣль—затруднить ожидавшуюся дополнительную мобилизацію и даже сдѣлать ее, какъ они полагали, невозможною; а также и осенній призывъ новобранцевъ, кото-

рыхъ агитаторы убѣждали ни въ какомъ случаѣ не давать. Весь латышскій народъ всегда относился и относится враждебно къ пасторамъ. Исторія страны объясняетъ причину этого.

До появленія нѣмцевъ латыши были язычники. Хотя у нихъ въ качествѣ главнаго божества и былъ Перкунъ, властитель вселенной (Дэвсъ или Вацай-тэвсъ—старый отецъ), но предпочтеніе отдавалось второстепеннымъ богамъ, домашнимъ, которыхъ было множество. Вообще религія была запутана, понятія о ней шатки. *Касты жрецовъ*, жившихъ на счетъ народа, у латышей *не было*. Нѣмцы силою принудили ихъ принять христіанство. Многіе латыши при первой возможности снова возвращались въ язычество. Но мечъ „рыцарей Креста“ беспощадно стиралъ отступниковъ съ лица земли; вѣдь, числомъ вырѣзанныхъ язычниковъ у нихъ измѣрялась заслуга предъ Богомъ! Къ тому же это было и выгодно—имущество отступниковъ дѣлалось достояніемъ благочестиваго Ордена, т. е. „убогихъ монаховъ“. Папскія буллы, призывавшія крестоносцевъ въ Ливонію, воспрещали обращать въ рабство жителей „если они примутъ христіанство и пока останутся христіанами“. И, благодаря этому позволенію, съ теченіемъ времени весь народъ былъ обращенъ въ полнѣйшее рабство. Члены Ордена и его васалы получили „*Suspleni domini et proprietatis*“ (право неограниченнаго господства надъ личностью и собственностью) и еще одно право, которымъ широко пользовались—жизни и смерти. Одинъ изъ лучшихъ магистровъ Плеттенбергъ (1494—1534) пытался ограничить этотъ вопіющій произволъ хотя такимъ постановленіемъ: „кто *хочетъ* присудить своихъ людей къ смертной казни, долженъ взять для того двухъ людей магистрата, свѣдущихъ въ законномъ правѣ“.

Могъ ли народъ иначе относиться къ этимъ „рыцарямъ божіимъ“, т. е. ко всему гнетущему его духовенству, какъ не съ ненавистью! Припомнимъ, что, къ довершенію всего, рыцари давали обѣтъ цѣломудрія (*celibat*), на дѣлѣ же были превеликіе поклонники жизненныхъ утѣхъ.

Но—„все великое земное разлетается, какъ дымъ“. И могущественный Орденъ палъ. Рыцари обратились въ дворянъ. Хотя безграничное безправіе въ странѣ съ теченіемъ времени нѣсколько послабѣвало, но все-же дворяне въ своихъ владѣніяхъ по-прежнему были полными владыками и по своему усмотрѣнію чинили судъ и расправу надъ крестьянами. Они являли изъ себя всесильное сплоченное сословіе, ревниво охра-

навшее только свои интересы, свои привилегіи въ феодальномъ духѣ; они составляли въ странѣ все; о крестьянахъ, какъ о сословіи, не могло быть и рѣчи. По законамъ, дворяне, могли судиться только дворянами.

Населеніе края приняло лютеранство. Но отъ этого народу стало не легче. Въ числѣ привилегіи дворянства сохранилась съ нашихъ дней одна: „право помѣщиковъ назначать въ свои приходы пасторовъ по своему усмотрѣнію“. Всѣ кирки принадлежатъ дворянству; пасторы—ихъ ставленики, зависящіе отъ нихъ и въ матеріальномъ отношеніи (усадыбы, въ которыхъ живутъ пасторы, и земля, принадлежащая къ нимъ, по большей части, помѣщичьи). Поэтому пастыръ-нѣмецъ для народа—чужой.—„Это не нашъ пасторъ,—нѣмецкій“, говорятъ латыши, и только въ силу необходимости обращаются къ нему.

25 августа 1817 г. курляндское дворянство освободило крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Но латыши не могутъ праздновать этотъ день—положеніе ихъ отъ того только ухудшилось. На одномъ изъ ландтаговъ ландратъ Самсонъ сказалъ по этому поводу: „дворянство сдѣлало для себя выгодную аферу“ (ein dutes Gescheft)“. Актомъ 25 авг. латышъ, „исконный хозяинъ, балтійскихъ береговъ“, былъ лишенъ земли. „Мы, курляндское, предоставляя себѣ одно право собственности на землю“. И это дворянство, говорится въ актѣ, отрекаемся отъ всѣхъ правъ, „право“ повлекло за собою послѣдствія, закончившіяся нынѣ кровавымъ актомъ. „Только теперь окончательно мы завоевали Прибалтійскій край“, сказалъ одинъ изъ лидеровъ дворянства послѣ подписанія акта 25 авг. 1817 г.

Если латышъ послѣ того не хотѣлъ умереть съ голоду, онъ долженъ былъ просить помѣщика о сдачѣ ему участка земли, конечно, на условіяхъ, которыя ему продиктовалъ отсутствующій его на свободу благодѣтель.

Страшный голодъ 1840 и 1841 гг. въ конецъ подорвалъ экономическое положеніе крестьянъ. Аграріи, „у которыхъ амбары ломились отъ хлѣба“, отказали въ просимой помощи. Доведенный до отчаянія народъ прибѣгнулъ не къ бунту, что ожидать было можно, а къ рѣшенію переселиться въ „русскія“ губерніи и—принять православіе—„исповѣдывать одну религію съ царемъ“. И къ исполненію послѣдняго намѣренія приступилъ немедленно. Тогда генераль-губернаторъ, остзеецъ же гр. Паленъ, энергично этому воспротивился и въ донесеніяхъ

своихъ всему этому придавъ характеръ опаснаго народнаго движенія.

Приходившихъ въ Ригу принимать православіе пороли у... архіерейскаго дома... И „бунтъ“ былъ подавленъ при помощи войска... Вообще этотъ эпизодъ является прекрасной иллюстраціей системы управленія краемъ. Правительство довѣрилось дворянству, дѣлало по его настоянію все, чтобы оттолкнуть отъ себя и обовлечь народъ, а нѣмцы, „окончательно завоевавшіе страну“, подготовили въ своемъ ослѣпленіи весьма непріятныя для себя послѣдствія. Къ мирному, спокойному соглашенію, по нашему глубокому убѣжденію, враждующимъ сторонамъ не прійти. Въ послѣдніе дни бароны, добровольно ставшіе во главѣ карательныхъ отрядовъ, принявшіе энергичное участіе въ подавленіи возстанія, подлили масла въ огонь и безъ того всегда горѣвшій. Этого послѣдняго имъ латыши никогда не забудутъ.

Но, несмотря на подавленіе „мятежа“ въ 1841 г., стремленіе латышей отдѣлаться отъ лютеранства прорвалось съ неудержимою силою и въ 1845 г., когда болѣе 20 т. ихъ перешло все-таки въ православіе. Хотя правительство крутыми мѣрами и не препятствовало уже тогда переходу, но все-же, въ угоду остзейскому дворянству, обставило его стѣснительными формальностями.

Конечно, не православіе само по себѣ влекло латышей, а желаніе лишь не быть съ нѣмцами даже одной религіи, которая до нѣкоторой степени ихъ только и соединяла.

Тотъ общій и въ послѣднее время открытый протестъ латышкаго народа противъ пасторовъ не служитъ конечно доказательствомъ, что между послѣдними нѣтъ достойныхъ личностей, отдавшихъ честно служенію своей паствы.

Звѣздой первой величины въ этомъ отношеніи является, напр., 80-ти лѣтній добеленскій ¹⁾ пасторъ Августъ Биленштейнъ, предсѣдатель Латышкаго Лютер. Общества. Онъ составилъ превосходную латышскую грамматику, редактировалъ изданную въ Митавѣ (1877 г.) библію на латышскомъ языкѣ, издалъ большое собраніе народныхъ пѣсенъ. На эти подвиги его несомнѣнно могла воодушевлять только любовь къ народу,

¹⁾ М. Добелень Митаво-Боусскаго у. на небольшой р. Берзы съ живописными развалинами древняго укрѣпленнаго замка, основаннаго въ 1268 г. магистромъ фонъ Мейгеймомъ. Въ началѣ XVIII ст. замокъ былъ еще обитаемъ.

служенію которому онъ посятилъ свою жизнь. Казалось, латыши должны были цѣнить это, а также и понимать, что п. Биленштейнъ основательно разработалъ ихъ языкъ, издавъ многочисленныя труды по народовѣдѣнію и исторіи, способствовалъ развитію въ нихъ самопознанія и національному подъему. Вѣдь, къ тому самому стремятся младолатыши, только къ сожалѣнію инымъ путемъ. А между тѣмъ латыши не пощадили и Биленштейна. Они напали на его пасторатъ, сожгли приходскія книги и всѣ бумаги лично пастора, рукописи, многочисленный собранный имъ матеріалъ для намѣченныхъ работъ. Глубоко вкоренилась въ душу латышей ненависть къ чужому для него пастору!

Пришлось намъ ближе узнать одного пастора, добраго гуманнаго, всецѣло, даже фанатически, преданнаго своему дѣлу. Его пасторатъ какъ-то избѣгъ общей участи, и онъ самъ въ числѣ очень немногихъ не покинулъ приходъ, но чувствовалъ свое положеніе ненадежнымъ. Богослуженіе совершалъ подъ охраною. Мы видѣли въ киркѣ изрядное количество палокъ, приготовленныхъ, чтобы было чѣмъ обороняться. Были частые случаи, что социалисты не останавливались даже предъ избіеніемъ служителя алтаря въ самой церкви.

Въ одно изъ воскресеній этотъ же пасторъ служилъ обѣдню. Толпа революціонеровъ около самой кирки устроили „народный митингъ“. Произносились зажигательныя рѣчи вообще и въ частности, что пасторовъ-дармоѣдовъ не нужно, а также и учить дѣтей закону Божьему и пр. въ этомъ духѣ.

Все это возмутительное выкрикиваніе хорошо слышно было въ киркѣ и мѣшало богослуженію. Пасторъ не выдержалъ, вышелъ и обратился съ просьбою отойти нѣсколько дальше. Его грубо оборвали... Служи себѣ тамъ! „мы тебѣ не мѣшаемъ, но не мѣшай и намъ служить здѣсь свою обѣдню, а не то“... послѣдовали угрозы.

Этотъ самый пасторъ, когда въ волость (его приходъ) явился тысячный карательный отрядъ, надоѣдалъ начальству своими просьбами о смягченіи участи многочисленныхъ арестованныхъ; ежедневно приходилъ къ нимъ „молиться вмѣстѣ“, утѣшать. Заключение отъ моленія, впрочемъ, уклонялись. И все это едва не кончилось для пастора довольно печально. По доносу солдата-латыша, сопровождавшаго его къ арестованнымъ, пастора (нѣмца) заподозрили въ неблагонадежности. Отдано было приказаніе посадить его подъ арестъ. Къ счастью, вспыльчивый, но добрый начальникъ карательнаго отряда смягчился и

далъ себя убѣдить, что слова пастора были или умышленно извращены, или не такъ поняты солдатомъ.

Лѣтомъ 1905 г. демонстраціи въ киркахъ, начавшіяся въ краѣ еще и раньше, стали повторяться почти каждое воскресенье, сталкивали пасторовъ съ каѳедръ во время, произнесенія ими проповѣди, вытаскивали изъ кирокъ. Въ одной изъ нихъ выпустили голубя съ красной лентой на шеѣ съ подписью: „долой пасторовъ“; принуждали ихъ нести красные флаги; при отказѣ—избивали, а послѣ, воткнувъ древко за воротникъ, силою вели впереди процессіи; вообще продѣлывали всякія издѣвательства. Пѣли въ киркахъ революціонныя пѣсни. „Проснитесь, рабочіе люди“. Во время произнесенія молитвы за Царя поднимали неистовые крики и пр. Въ Сатенской киркѣ неизвѣстными, пріѣхавшими на велосипедахъ, во время богослуженія была брошена бомба съ вонючею жидкостью. Одно воскресенье особенно ознаменовалось возмутительными демонстраціями во многихъ киркахъ. Въ Грингофской, напр., появились 20 пріѣзжихъ демонстрантовъ. Одинъ изъ нихъ угрожалъ пастору револьверомъ, трое другихъ, взойдя на каѳедру, ударили пастора кулакомъ по головѣ и разорвали на немъ облаченіе.

Лютеранская консисторія распорядилась закрыть всѣ кирки, подвергнувшіяся оскверненію. Однако это только побудило революціонеровъ къ устройству въ слѣдующее же воскресенье цѣлаго ряда неистовствъ въ другихъ киркахъ. Они не остановились даже предъ такимъ возмутительнымъ и при томъ бессмысленнымъ подвигомъ, какъ разрушеніе Лаздоунскаго кладбища.

Консисторія еще закрыла нѣсколько кирокъ. „Прихожане иногда пытались защищать своихъ пасторовъ“, но якобы, „не имѣя оружія, не въ силахъ были бороться съ вооруженными агитаторами“. Нѣсколько сотъ противъ вѣсколькихъ. Во время одной изъ такихъ попытокъ былъ убитъ выстрѣломъ изъ револьвера въ Кронсесовской киркѣ (Митавскаго у.) баронъ Бистромъ и раненъ предводитель дворянства баронъ Ганъ. Въ данномъ случаѣ защитниками были нѣмцы; о защитникахъ же изъ латышей—не слышали.

Всего этого безобразія между прочимъ не было въ католическихъ природахъ¹⁾. Ксендзы, они не изъ нѣмцевъ, сумѣли расположить къ себѣ свою паству. Самое революціонное движе-

¹⁾ По вѣроисповѣданіямъ населеніе Кур. г. распредѣляется такъ: католиковъ 75 т., костеловъ 20; лютеранъ 510 т., кирокъ 102; православныхъ 25 т., четней 23, монастырей 2; іудеевъ 52 т.

ніе между латышами-католиками было слабѣе, анархическаго же и совсѣмъ не замѣчалось. Въ воскресенье около самой стѣны Шрунденской кирки во время обѣдни происходилъ бурный митингъ. Случайно въ толпѣ находилось нѣсколько человекъ католиковъ, пріѣхавшихъ за покупками. По окончаніи митинга къ нимъ подошли демонстранты лютеране съ заявленіями, что въ слѣдующее воскресенье они явятся къ нимъ въ Лененъ и около костела устроятъ такое же собраніе. Въ отвѣтъ на это лененцы, показывая здоровенные кулаки, категорически объявили: „Попробуйте только, мы вамъ всѣ ребра переломаемъ“.

Еще примѣръ: въ послѣднихъ числахъ ноября, когда движеніе принимало уже грозные размѣры, когда пасторамъ рискованно было показываться даже на улицахъ, деканъ Гольдингскаго костела ѣхалъ въ уѣздъ къ больному. Около корчмы, по дорогѣ, стояла подвыпившая толпа крестьянъ. Завидя приближающійся хорошій экипажъ и сидѣвшаго въ немъ „господина“ и принимая его, вѣроятно, за нѣмца, латыши начали угрожающе галдѣть. Когда же экипажъ подѣхалъ, то нѣсколько человекъ, узнавъ сидящаго въ немъ, бросились зажимать рты кричавшихъ со словамъ—„тише, тише—это нашъ кзендзъ!“ Всѣ умолкли и, почтительно снявъ шапки, привѣтствовали декана: „labden, labden!“ (добрый день).

Знаменитая ревизія Прибалтійскаго края сенаторомъ Манасеинымъ (1882 г.), имѣвшая цѣлью раскрыть обособленность мѣстнаго строя, вызвала большое оживленіе среди латышей и эстовъ. Въ числѣ просимыхъ ими тогда реформъ первое мѣсто занимало: предоставленіе народу права выбирать *своихъ* пасторовъ и обращеніе начальной школы въ дѣйствительно народную, съ изъятіемъ ея изъ-подъ власти *нѣмецкихъ пасторовъ*.

Другія ихъ пожеланія были слѣд.: выкупъ усадебъ по правительствомъ установленной таксѣ, надѣленіе землею батраковъ, распространеніе на мызныя земли (помѣщичьи) повинностей, тяготеющихъ исключительно на крестьянскихъ земляхъ, и, наконецъ, реформа суда.

Между прочимъ Манасеинъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ указывалъ на возможность катастрофы, какъ на неизбежное слѣдствіе ненормальныхъ взаимныхъ отношеній привилегированнаго нѣмецкаго дворянства и мѣстнаго населенія.

Движеніе противъ пасторовъ и какъ-бы самой религіи составляетъ отличительную черту прибалтійской революціи; поэтому о ней мы нѣсколько и распространились. Но этимъ, конечно, и ограничивалось—революція шла, что называется, во

всю, нося также и общій, какъ и въ русскихъ губерніяхъ, характеръ, съ политическими убійствами, аграрными беспорядками и пр. Броженіе среди латышей, собственно таившееся всегда, особенно усилилось въ послѣднюю четверть прошлаго столѣтія. Но съ 1903 г. начало принимать иное направленіе и вылилось, наконецъ, въ рѣзко революціонной и даже анархической формѣ. Въ краѣ работали „латышская социаль-демократическая партія“ и „латышскій рабочій союзъ“ (соц.-рев.).

Земля въ Прибалтійскомъ краѣ приблизительно распределена такъ: три четверти ея принадлежатъ помѣщикамъ-дворянамъ и казнѣ; остальная крестьянамъ-усадебовладѣльцамъ и арендаторамъ. Не слѣдуетъ упускать изъ вида, что размѣры усадебъ 25—50 и даже до 80 дес. Въ одной Курляндской губ. латышей (въ круглыхъ числахъ) 500 т.; нѣмцевъ—городской буржуазіи и дворянъ, упорно отстаивающихъ свои феодальныя привилегіи, около 40 т. Къ числу мелкихъ владѣтелей надо еще отнести великороссовъ, бѣлоруссовъ и поляковъ—ихъ около 19 т. Цифры говорятъ сами за себя. Число землевладѣльцевъ-крестьянъ по отношенію къ остальной массѣ, составляющей безземельный пролетаріатъ, ничтожно.

„Помѣщики, сдавая въ аренду, или продавая арендные участки, удержали за собою почти всѣ права и перевели всѣ тяготы и повинности на земельные участки; они оставили за собою право охоты, рыбной ловли, винокуренія, пивоваренія, право содержать корчмы (и теперь), шинки, право заводить фабрики, заводы“.

Что въ Прибалтійскомъ краѣ положеніе вещей ненормально, давно уже было извѣстно. Объ этомъ въ свое время писалъ Погодинъ, Самаринъ. Правительство кое-что даже дѣлало: способствовало, путемъ принудительнаго отчужденія отъ крупныхъ землевладѣльцевъ, переходу въ собственность крестьянъ незначительнаго, впрочемъ, количества земли. Но самая покупка участковъ, а также и аренда ихъ обставлены были великими трудностями, доступными небольшому числу счастливыхъ, что и не могло внести успокоенія, такъ какъ не касалась большинства. Въ экономической борьбѣ съ нѣмцами латыши не нашли себѣ сильной и искренней поддержки правительства. Это вызвало накопленіе неудовольствія, перешедшаго послѣ въ открытій и кровавый протестъ. Среди рабочихъ и батраковъ социалисты нашли поэтому благопріятную почву для проповѣди. Обездоленные батраки, эти прибалтійскіе паріи, легко ловятся на удочку несбыточныхъ обѣщаній, на которыя такъ щедры

агитаторы. Число батраковъ въ трехъ губерніяхъ около 600 т., а арендаторовъ и собственниковъ только 60. Изъ этихъ 600 т. небольшая часть живетъ въ городахъ и составляетъ классъ рабочихъ. Положеніе ихъ не только не хуже, но даже лучше положенія русскаго рабочаго, да и не одного только русскаго. Остальная масса—это рабочіе у помѣщиковъ и у крестьянъ-собственниковъ.

„Въ безземельной массѣ населенія живетъ ничѣмъ не заглушимая потребность земельной собственности, удовлетвореніе которой нынѣ представляется возможнымъ лишь въ видѣ исключенія, ибо политика нѣмцевъ клонится къ недопущенію образованія мелкаго землевладѣнія, чтобы обезпечить свои крупныя хозяйства рабочею силою“. Но подлежитъ сомнѣнію, что на этотъ счетъ у нихъ давно уже существуетъ тайное соглашеніе—они выработали нормы платы, а главное: недовольный своимъ положеніемъ у одного помѣщика батракъ не можетъ перейти къ другому—его не примутъ. И свободное повидимому балтійское крестьянство на дѣлѣ является закрѣпощеннымъ.

Изъ латышей, при ихъ склонности къ землѣ и трудолюбію, вышли бы превосходные хозяева. Но батраки не могутъ осуществить своихъ стремленій въ родной сторонѣ, пока выработанный нѣмцами экономическій строй не измѣнится. Дворяне могутъ продавать свои имѣнія только дворянамъ, а многіе никому—заповѣдныя имѣнія фидеикомиссы. Казна не хочетъ разстаться съ принадлежащими ей многочисленными имѣніями, хотя они плохо эксплуатируются и идутъ къ упадку. Владѣльцы же латыши цѣпко держатся за свои участки и ни за что не выпустятъ ихъ изъ своихъ рукъ. По установившемуся обычаю, усадьбы даже не дробятся раздѣлами, а переходятъ къ старшему сыну. И несчастный батракъ осужденъ на вѣчное батрачество.

Коренное населеніе края собственно всегда было на сторонѣ русскихъ и правительства. Никакого недоброжелательства у нихъ къ намъ не замѣчалось. Въ одной латышской пѣснѣ поется: „Русскому я дамъ свою сестрицу, а самъ себѣ беру литвинку. Хожу къ русскимъ, хожу и къ литовцамъ. Вездѣ мнѣ вятя, родня“. Въ свое время латышей легко было руссифицировать. Достигнуть этого хотѣли, но пассовали передъ оппозиціею нѣмцевъ. Многіе изъ послѣднихъ всегда занимали высокіе посты и тормозили предпринимаемое. При Императорѣ Александрѣ III съ нѣмецкимъ элементомъ велась даже упорная борьба. Кое-что дѣлали, но не додѣлали. Когда же стали замѣчаться слабые еще предвѣстники народнаго движенія, власти

не пошли впередъ событій, остановились въ нерѣшительности, а въ концѣ концовъ предпочли въ предстоящей борьбѣ найти поддержку въ консервативномъ элементѣ края (по расчету). т. е., въ нѣмцахъ. И достойное поощренія стремленіе народа выбиться въ Россію изъ нѣмецкихъ тисковъ, возродить задавленную ими племенную особенность, постепенно перешло въ открытое вооруженное возстаніе уже противъ того же правительства. И бушуетъ теперь взбаламученное народное море, и обильно льется напрасная кровь!

Е. А. Альбовскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

